

Владимир
КОРОБОВ

Они могли познакомиться еще до войны, в отроческом возрасте, ибо оба в конце тридцатых годов ходили в литературную студию при Доме художественного воспитания детей, которая помещалась в здании Театра юного зрителя. Тем более что и Юля, и Коля нередко пропускали занятия, чтобы посмотреть какой-нибудь спектакль. Нацлось бы у них и о чем поговорить.

«В эти годы, — рассказывала Ю. Друнина в своей биографической книге «С тех вершин...», — я писала о любви (преимущественно «неземной»), о природе (в особенности экзотической) и вообще о всевозможных высоких материях: Замки, рыцари, Прекрасные дамы вперемешку с ковбоями, лампасами, лампасами и кабацкими забытыми (копейки из Блока, Майн Рида и Есенина) мирно сосуществовали в этих ужасных вихрях. До сих пор бывшие мои одноклассники орали: «Шоу-девои», созданным в пионерские годы:

В омуте кабацкого разгула
Я нашла свой верный идеал —
То была цыганка Мариула
И вином наполненный бокал...»
Коля Старшинов вместе со сверстниками носил пилотку-испанку с роскошными кисточками и на большой карте Испании, которая была повешена в классе, ежедневно отмечал линию фронта. И когда республиканцы одержали победу над фашистами под Терузелом, он написал стихи, посвященные этим событиям, и послал их в «Пионерскую правду». Но вместе с героическими стихами мальчишка сочинил и «кабацкие»:

Пускай в опасности Египет,
Я предсказаний не терплю,
Но яной слезой не первый вылит,
И я в хмеле, и я в хмеле...

Надо ли говорить, что в реальности наши школьники не переступали и порога пятиклассных заведений. Просто, как и всякому с детства творческому человеку, им надо было переболеть всеми романтическими инфекциями, в том числе и такими вот... застра была война. В январе 1943-го сержант (после парадных боев — старший сержант) Старшинов получил назначение на Западный фронт, под Калугу, должность — помощник командира пулеметного взвода, возраст — восемнадцать лет и один месяц. Улыбается с единственной фотографии тех лет — ни даты ни взят пацан, напавший чью-то пилотку и гимнастерку с чужого плеча. Но этот пацан не только сам лежал за пулеметом, но и командовал бойцами.

Горька и опасна любая военная доля, и нет полной справедливости в противопоставлении одного рода войск другому. И все же... Не надо обладать специальными знаниями, чтобы понять: первыми подавляются огневые точки, пулеметные гнезда и т. п.

Он получил сразу несколько тяжелых ран (достаточно сказать, что у него были перебиты в голени обе ноги). Госпиталь под Вязьмой, госпиталь под Махачкалой... В общей сложности — около семи месяцев неподвижности. Вернулся в Москву в феврале 1944-го на костылях (и еще долго с ними не мог расстаться), признанный инвалидом в 19 лет.

В том же 1942 году, в самое трудное время, вопреки воле интеллигентных родителей, ушла на фронт и Юлия Друнина. Тада же, в самый неблагоприятный род войск, в пехоту. В ее стихах об этом сказано так:

...Школьным вечером,
Хмурый летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с партия этой
И шагнула в сырой оляндж.

После тяжелого ранения — осколком едва не перебит сонную артерию, прошел в двух миллиметрах — снова ушла на передовую добровольцем. Под обстрел, в холод и грязь. А ведь девушкам, особенно в пе-

Ому поэзия по-прежнему нужна, кто продолжает слышать музыку души, живет внутренней, истинно человеческой жизнью, а не обманом похирани сомнительных благ и фальшивых удовольствий, тот, как и пять, как и десять лет назад, продолжает читать стихи — наслаждаться тонкими чувствами, глубокими переживаниями, произвольными догадками. Сборники любимых поэтов по-прежнему не найти на книжных прилавках (их попросту перестали издавать, а редакции поэзии ликвидировали) и читатель, как в старину, разыскивает затерянные книжечки у знакомых и переписывает полюбившиеся строки в заветную тетрадь.

В числе этих, самых читаемых и перечитываемых в сокровенные душевные минуты поэтов давним-давно, более сорока лет уже, значатся Юлия Владимировна Друнина и Николай Константинович Старшинов. Ветераны Отечественной, «афганцы» вспоминают боевую молодость, листая их фронтную лирику:

Я только раз видела рукопашный.
Раз наяву, и — тысячу во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
(Ю. Друнина)

Ракет зеленые огни
По бледным лицам полосуны.
Позиме голову пригнел
И, как шальной, не лез под пули.
Приказ: «Перед!» Команда: «Ветать!»
(Н. Старшинов)

хоте, было во много раз тяжелее и сложнее, чем мужичинам. Теоретически Юлия и Николай могли бы встретиться и на войне, но боевой путь их подразделений не пересекся. Познакомились они в конце 1944 года в Литературном институте имени А. М. Горького. Он только что стал пробовать ходить без костылей.

«После лекций, — вспоминает Николай Старшинов, — я пошел ее провожать. Она, только что демобилизованный батальонный санитар, ходила в солдатских кирзовых сапогах, в поношенной гимнастерке и шинели. Ничего другого у нее не было. И хотя позже, в 1948 году, писала:

Возвратившись с фронта
в сорок пятом,
Я стеснялся стоптанных сапог
И своей шинели переметной,
Пропыленной пылью всех дорог, —
мне казалось, что это же несколько не смущало — она привыкла к такой одежде настолько, что не придавала ей никакого значения...

По дороге мы взявше читали друг другу стихи — тогда в Литинституте это было принято, считалось нормальным, — хотя многие проходили пометали на нас не только с добротой, но и с удивлением. А это нас как будто бы и не касалось. И поскольку большинство стихов было посвящено войне, мы заговорили и о ней, о фронте...

Теперь нас было по двадцать лет. Она была измучена войной — полугодичным существованием, была бледна, худая и очень красива. Я тоже был достаточно заморенным. Но настроение у нас было высоким — предбоевым...»

С той памятной прогулки Юлия и Коля стали неразлучны, хотя добрый десяток студентов «положил глаз» на эту девушку и не скрывал своих чувств, ухаживал за ней и так и сяк. Да что там студенты! Вот что рассказывает Николай Константинович:

«Юля была красивой. Но красота бывает холодной и даже отталкивающей. Она была обаятельна, в ее чертах было что-то общее с очень популярной тогда актрисой Любовью Орловой. Привлекательная внешность нередко помогала молодым поэтам «пробиться», понасле на страницы журналов и газет, обратиться особое внимание на их творчество, доброжелательнее отнестись к их поэтической судьбе.

Друниной она, напротив, нередко мешала в силу ее неуступчивого характера, ее бескомпромиссности... В свое время нашу мела история ее взаимоотношений с поэтом Павлом Григорьевичем Антокольским, который вел семинар в Литературном институте.

Сначала он очень положительно отнесся к ее стихам. И вдруг не только исключил ее из семинара, но и предложил исключить из института как творчески несамостоятельную. Хорошо еще, что ей позволили перевестись в другой семинар, а то пришлось бы ей уйти из института.

А потом последовало резкое выступление Юлии на собрании в Союзе писателей против Антокольского. Да еще она совпало с тем временем, когда шел разгром так называемых космополитов. Это выступление многими было воспринято не только как неблагодарное и подлоное, но и как антисемитское. Некоторые литераторы до сих пор не только помнят его, но и не могут про-

Ю. Друнина, М. Лозинская, Н. Старшинов. 1956 год.

Опять товарища бужу я.
А кто-то звал родную мать.
А кто-то вспоминал чужую...
(Н. Старшинов)

Люди, сроднившиеся с родной природой, не мыслящие себя без леса и воды, моря и поля, особенно ценят золотое неподдельное пейзажное поэзии Друниной и Старшинова, свободной и живой. Мягко-яркие краски, нежные тона, прозрачность, ласковость, нежность и ... печаль, печаль, боль. Многим по душе острое, публицистические, социальные стихи этих поэтов. А больше всего поклонников и, особенно, поклонниц у любовной лирики Юлии Друниной и Николая Старшинова. Многие здесь помнят наизусть.

И все-таки я никогда бы не стал говорить об их творчестве в одной статье — поэты они все-таки разные. Но речь здесь пойдет не столько о литературе, сколько о жизни двух ярчайших представителей фронтного поколения. Жизнь же распорядилась свести их вместе: 15 лет Юлия Друнина и Николай Старшинов были супругами, а потом сохранили между собой доброе отношение.

С Юлией Владимировной я был знаком, и только. Несколько не слишком существенных разговоров на окололитературные темы в памяти как-то не задержались. Она была приветлива, доброжелательна, но всегда «держала дистанцию», что я склонен был тогда объяснять разницей в возрасте и «красом» в творческой иерархии. С Николаем Константиновичем я дружу уже более двадцати лет и, естественно, очерк этот в наибольшей степени обязан своим подробностями его письменным и устным воспоминаниям.

"ЗВЕНЬЕ, ГОЛЫКА"

стиль ее этого. Даже на ее похоронах во время гражданской панхиды в Доме литераторов Григорий Поженян, стоя у ее гроба, в своем выступлении не упустил возможности напомнить об этом (не нашел лучшего времени и места). Дело в том, что Павел Григорьевич пытался очень активно ухаживать за ней, а когда она отвергла его притязания, проявив своеобразную отвагу — еще бы, отказать такому мэтру! — он обрушил на нее свой гнев.

Буду конкретным. В 1945 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла в свет под общей редакцией П. Антокольского первая книга стихов Вероники Туиновой, которая так и называлась «Первая книга». Поскольку у нас были добрые отношения, Вероника пригласила к себе на ужин в честь ее выхода и меня с Юлей. Мы тогда еще не жили вместе, но уже были неразлучны.

Еще, кроме П. Антокольского, были приглашены наши товарищи — С. Гудзенко, М. Луконин, М. Максимов, А. Межиров, М. Соболев, В. Урин. Все, что дальше произошло, сегодня выглядит смешно. Но тогда...

По тем временам был очень неплохой стол — Вероника от души постаралась. Мы уже основательно выпили. Где-то между постами Юля вышла в коридор. Вышел и Антокольский. Вскоре я услышал шум и возню в коридоре и, когда вышел туда, увидел, как Павел Григорьевич со страшной силой тащит упирающуюся Юлю в ванную. Я попытался помешать ему. Он рассвирепел — какой-то мальчишка смеет перечить ему. Обматолгал меня. Впрочем, я ответил ему тем же и настоял на своем, буквально вырвал из его рук Юлю.

Когда мы вернулись в комнату, сели за стол, рассерженный Антокольский закричал на меня:

— Ты кто такой? Какой ты Старшинов? Ты — Младшинов!

Вероятно, этим он хотел подчеркнуть не только мой малый возраст, но и малый поэтический ранг. Потом сказал полуприкрытым полуснисходительно:

— Ну, ладно, читай что-нибудь свое!.. На Друнину же за ее неповиновение он рассердился по-настоящему... А ее реакция на его поведение, ее выступление против него можно оценить лишь как реакцию обиженной девочки на бесцеремонное обращение с ней. Не больше. Девочки, которую оскорбили...

Не менее решительную атаку на красавицу Юлию повел и другой известный тогдашний поэт Степан Шипачев. Он пригласил ее принести стихи в редакцию журнала «Красноармеец», где был заместителем главного редактора. Но Друнина явилась вместе со Старшиновым. Тогда Шипачев назначил ей новую встречу на следующую день, один на один. Но недолго Николаю пришлось ожидать ее у Дома Красной Армии.

«Не прошло и четверти часа, как она выбежала ко мне, раскрасневшаяся и возмущенная: — Ты представляешь, что придумал этот старый дурак?.. Только я вошла

Стипендия была мизерной — 147 рублей, на послевоенные деньги — 14 р. 70 к. Как инвалиды Отечественной войны они получили пенсии в тех же примерно суммах.

«Все трудности военной и послевоенной жизни, — вспоминает Николай Константинович, — Юля переносила стоически — я не слышал от нее ни одного упрека, ни одной жалобы. И хожу она по-прежнему в той же шинели, гимнастерке и сапогах еще несколько лет... В быту она была, как, впрочем, и многие поэты, довольно неорганизованной. Хозяйством занималась не любя. Хотя мола очень неплохо приготовить обед, если было из чего.

Скучный быт, нищету свою они словно и не замечали. Жизнь их до краев была наполнена другим: любовью друг к другу и высокими творческими замыслами. Они очень рано осознали и ввалили на себя ную духовной ответственности за все свое фронтное поколение: «Мы сами расскажем долги по праву о нашем поколении солдат!» И они сделали это, хотя многие лучше, горькие и честные их стихи о войне, написанные в середине — конце сороковых годов, были напечатаны лишь спустя де-

обожала романтические стихи о гражданской войне и песни о ней — «Каховку», «Орленку», «Тачанку»... Она не только сама увлекалась верховой ездой, но однажды и меня хотела увлечь ею — посадила на лошадей в Геленджике, и мы отправились верхом в горы. Она пристрастилась к лошадам нашу дочь Лену, которая потому и пошла учиться в ветеринарную академию, окончила ее и вот уже немало лет работает на ипподроме зоотехником, является кандидатом в мастера конного спорта.

Юля очень любила Коктебеля, море, горы. Юля десять раз поднималась на Карадаг, пока он не стал зашарканным. Она ходила в Старый Крым — а это в один конец двадцать пять километров! И ходила, конечно, партизанскими тропами...

Презжая сюда, она выписывала у пограничников лошадей, чтобы хоть часок покататься на ней. А если на заставе были затруднения — не хотели давать лошадей, она даже соглашалась выступить перед пограничниками, лишь бы ей дали ее, хотя вообще-то не любила участвовать в публичных выступлениях.

Много счастливого вместили пятнадцать лет их совместной жизни. Но пришло время, и они расстались. Почему? Даже разным людям нелегко ужиться между собой, разным же поэтам — наверное, невозможно. Если и найдутся тут исключения, то ступеньки. «У поэтов есть такой обычай — в круг сойдясь, оплевывать друг друга», — написал Дмитрий Кедрин, один из тех, кто первым заметил дарование Друниной и Старшинова. Разумеется, никакого оплевывания у Юлии и Николая не было. Но разногласия по поводу оценки тех или иных чужих и своих

«ПРОБЫТЬ»

стихов возникали довольно часто. Тем более, что оба были бескомпромиссными, резки в оценках, запальчивы в словах. Люди своего поколения, они обо всем судили еще и идейно, общественно. Она могла сказать ему, что в таком-то случае им руководит «рабоче-крестьянская психика», а он мог обвинить ее в том, что она чересчур строга к простым людям, видит мещанство там, где его нет... К тому же Николай Старшинов слишком много стал проводить времени с начинающими поэтами, пестуя и раста их, явно в ущерб дому и семье. Юля же познакомилась с известным сценаристом и кинорежиссером Алексеем Яковлевичем Каплером и ощутила с его стороны неподдельный интерес, искреннее внимание и заботу.

Уход жены к другому Николаю переживал крайне тяжело, даже мучительно. Несколько раз он пытался встретиться с ней и объяснить, попытаться вернуть ее, однажды в сердцах даже поднял на нее руку... Глубокие переживания той поры запечатлены во многих его стихах — любовной лирике поэта.

Медленно идут за днями дни,
И месяцы, и годы — все в разлуке...
Любимая, прошу тебя, верни,
Верни мне губы, голос твой и руки.

Зачем ты их другому отдала,
Свои глаза, улыбку, даже имя?..
В них было столько света и тепла,
Он всегда оставался моим.

Человек в общем-то неконтактный, малообщительный, став женой А. Каплера, Юлия Друнина попала в окружение настоящих знаменитостей — режиссеров, актеров, общественных деятелей. Новый муж взял на себя все заботы по быту, уладив все прежние ее сложные отношения с важными фигурами в Союзе писателей и издательствах. Способствовал выходу ее книг и, самое главное, сумел приучить ее к постоянной литературному труду. Если прежде Друнина писала от случая к случаю, по вдохновению, то теперь стала много и упорно работать все время. Расширились не только круг ее тем, но и жанров: она обратилась к публицистике, к прозе. Каза-лось бы, у нее уже не было причин тосковать. Но — таков уж был этот удивительный человек! — ее начинал тревожить и пугать благополучие своей новой жизни:

Накрахмаленной скатерти
Шепот кичливый,
Седовласых гостей
Имешные зривы —
Может, в этом и нуту
Плохо по сути,
Только мне неутруно
В парадном уюту,
От обидов-обрядов,

Коктебель. 1956 год.

Я люблю тебя, Армия —
Юность моя!
Мы — солдаты запаса,
Твои сыновья.

Хорошо зная ее нелюбовь и даже отвращение ко всякого рода заседаниям и совещаниям, я был удивлен, что она согласилась, чтобы ее кандидатура выдвинули на выборы депутатов Верховного Совета СССР. Я даже спросил ее — зачем?

— Единственное, что меня побудило сделать это, — желание защитить нашу армию, интересы и права участников Великой Отечественной войны и войны в Афганистане.

Когда она поняла, что это бесполезно, ничего существенного для этого сделать невозможно, она перестала ходить на заседания Верховного Совета, а потом и вышла из депутатского...

О ее душевном состоянии лучше всего говорит одно из писем, написанных перед уходом из жизни: «... Почему ужо? По-моему, оставаться в этой ужасной, перерабатываемой, созданной для детей с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно, только имея крепкий личный тыл...»

После смерти Каплера, лишившись его опеки, Юля, по-моему, оказалась в расстройстве: у нее было немало хозяйств — большая квартира, дача, машина, гараж, за всем этим надо было следить, постоянно прилаживать усилия, чтобы поддерживать порядок и состояние имущества. Делать это она не умела, не привыкла. А переломить себя было уже трудно, точнее — невозможно.

Вобщем Юля не вписывалась в наступившее прагматическое время, она стала старомодной со своим романтическим характером. У нее есть стихотворение «Кто говорит, что умер Дон Кихот?..». В какой-то мере она и сама оказалась им в нынешней обстановке. Как человек неконтактный, она быстро растеряла тех знакомых и друзей, с которыми общалась при Каплере. А новых, по сути дела, не завела. Дружила она лишь с вдовой поэта Сергея Орлова Виолеттой. Как это ни печально, имея столько друзей-читателей, она была одинока.

Уход ее из жизни вовсе не был делом случая. Она приняла решение, а решения она привыкла выполнять. Это не случайная вспышка отчаяния. Все было предусмотрено и продумано до мелочей. Она написала едва ли не десятком писем: дочери, внучке, зятю, подруге Виолетте, редактору своей новой рукописи, в милицию, в Союз писателей. В письмах никого ни в чем не винила. Написала завещание на все свое имущество. На дверях дачи оставила записку, обращенную к зятю: «Андрюша, не пугайся. Вызови милицию и вскрыйте гараж».

В гараже, в машине она приняла снотворное и включила газ...

Все было учтено, все красиво, благородно и романтично...

Да, самоубийство — не всегда слабость. В данном случае это был поступок, который имел и имеет, и будет иметь общественный резонанс, долгую и благодарную, хотя и очень грустную нашу память... Но давайте помнить и то, что говорила Друнина в одном из лучших ее стихотворений фронтная подруга Зина: «Знаешь, Юлька, я против грусти...»

В декабре прошлого года исполнилось 70 лет Николаю Константиновичу Старшинову. Дочь его и Друниной Лена подарила отцу к юбилею некоторую сумму, вырученную за сданную богатым людям наследственную дачу. На эти деньги удалось издать мизерным трехтысячным тиражом в скромном оформлении небольшую книгу литературных мемуаров юбиляра — «Лица, лики и личины». Среди них есть очерк, который назван «Планета «Юлия Друнина». И в самом деле: крымские астрономы Николай и Людмила Черныши открыли новую малую планету, получившую порядковый номер 3804, и назвали ее именем Юлии...